

§1 ДЕМОКРАТИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Карпович О.Г.

ДЕМОКРАТИЯ И ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ НОВОГО МИРОПОРЯДКА

Аннотация: Мир и Россия вместе с ним стремительно меняется. Эти изменения носят глобальный цивилизационный характер. Для того, чтобы состоялось новое общество расширенной демократии, свободы человеческого выбора деятельности и индивидуальности без сопротивления власти преобладающих и тенденций к тоталитаризму, на основе которого удерживался бы укоренившийся «порядок» и благополучие верхних «этажей», обществу необходима большая организованная и планомерная работа по изменению менталитета человека и всего общества. Только образование нового менталитета, противоположного старому индустриальному или во многом ему не соответствующему, создает новую культуру с новыми чертами и приоритетами, способными сохранить цивилизацию вообще. В период становления демократического общества в России особенно острой становится проблема теории и практики развития демократического государства. Современное демократическое государство предполагает развитое гражданское общество, в котором взаимодействуют различные общественные организации, политические партии, в котором никакая идеология не может устанавливаться в качестве официальной государственной идеологии. Политическая жизнь в демократическом государстве строится на основе идеологического, политического многообразия, многопартийности и т. д. Российская Федерация сейчас (впрочем, как и двадцать лет назад) находится на пути становления демократического государства. Пути становления и развития демократического государства, его понятие и сущность, а также демократические принципы конституционного строя Российской Федерации, сегодня, так же и 20 лет назад, и актуальны, и злободневны, хотя, по – видимому, уже меньше волнуют умы простых россиян.

Review: The world itself and Russia are rapidly changing. These changes have global civilization character. In order for a new society of expanded democracy, freedom of human choice of activity and individuality without any obstacles from the government and totalitarian tendencies, by which the existing “order” and the well-being of the higher “levels” were supported, the society needs large-scale organized and planned work towards changing the mindset of people and society as a whole. Only formation of a new mindset opposite to the old industrial mindset shall allow to form a novel culture with new features and priorities, which shall be capable of preserving the civilization as such. At the period of formation of the democratic society in Russia the problems of theory and practice of development of democratic state become especially topical. The modern democratic state presupposes a developed civil society, in which various social organizations and political parties interact, and no ideology may be regarded as an official state ideology. Political life in a democratic state is based upon ideological and political variety, multi-partisan system, etc. The Russian Federation is currently (as well as 20 years ago) is on its way towards democratic statehood. The ways of formation and development of the democratic state, its nature and defining features, as well as the democratic principles of constitutional order of the Russian Federation are just as topical today, as they were 20 years ago. However, it seems that the Russian people take much less interest in them now.

Ключевые слова: международные отношения, политика, демократия, демократизация, государство, Россия, интересы, ценности, безопасность, концепция

Keywords: international relations, politics, democracy, democratization, state, Russia, interests, values, security, concept.

Демократия и политические процессы

Демократия как способ политического управления обществом переживает сегодня тяжелый период. В условиях глобализации она сталкивается с беспрецедентными вызовами, ставящими под вопрос некоторые ее сущностные характеристики. Не случайно эта тема стала лейтмотивом на двух последних конгрессах Международной ассоциации политических наук (МАПН). На XVIII конгрессе (2000 г., Квебек, Канада) «в центре дискуссии оказался вопрос о корпоративном вызове демократии. «Мировой капитализм, управление и сообщество: к корпоративному тысячелетию?» – так называлась общая тема конгресса. В выступлениях отмечалось, что во многом демократия не согласуется с наметившимися тенденциями общественного развития и нуждается в переосмыслении своего содержания и адаптации к новым реальностям. На XIX конгрессе (2003 г., Дурбан, ЮАР) – «Демократия, толерантность, справедливость: вызовы политическому развитию» – острые дебаты развернулись вокруг итогов так называемой третьей волны демократизации, которая натолкнулась на непредвиденные препятствия. В большинстве стран «третьей волны» образовался неуклонно расширяющийся разрыв между демократизацией и решением социальных проблем. Вследствие этого происходит отторжение демократии населением этих стран. Некоторые их представители прямо говорили, что решение социальных проблем для них важнее соблюдения принципов и норм либеральной демократии»¹.

Глобализация сегодня объективно требует коренных изменений политического управления и в национальных рамках, и в глобальном измерении. Происходящие процессы носят противоречивый, нередко конфликтный характер. С одной стороны, «инновационный тип развития, который только и может в условиях глобализации обеспечить экономике той или иной страны прочное место на мировой арене, требует для своего осуществления свободного человека и не может быть эффективен в условиях несвободы». С другой же стороны, «не менее мощная сила действует и в противоположном направлении. Огромное значение сохраняет различие образов жизни и мышления, политических культур, порождающее активное и чаще пассивное сопротивление реальной демократизации. Институты либеральной демократии во многих регионах либо рассматриваются как чуждые, заимствованные образцы, либо воспринимаются поверхностно,

чисто формально. Результатом часто является скорее имитация демократии, выливающаяся в фактическую маскировку авторитарных или олигархических режимов»². Размывание традиционных форм демократии или их дальнейшее творческое развитие – именно таким образом стоит вопрос.

Даже в странах с давними демократическими традициями «исторически сложившиеся формы либеральной демократии нередко дают сбой под давлением новых реальностей. Ведется интенсивный поиск более адекватных форм: демократии участия, новых типов прямой демократии, защитной демократии (*advocacy democracy*), коммуникативной демократии»³. Используется даже понятие «иллиберальной демократии»⁴. Можно оспаривать подобный подход, но нельзя не видеть, что он «отражает глубокий кризис, который переживают нынешние формы демократического управления»⁵.

Инновационный тип развития в условиях глобализации требует максимального раскрытия творческого потенциала индивида, расширения прав и свобод личности, но в то же время нужно иметь в виду и не забывать реальную опасность самоизоляции индивида в безбрежном океане информации. Об этом, в частности, писал в работе «Бегство от свободы» Эрих Фром.

Это значит, что, кроме либерального индивидуализма (в нем Бертран Рассел видел суть либерализма), в глобализирующемся мире ощущается острая потребность в новых формах общественной солидарности, в коммунитарной организации социума.

То есть, ресурс «позитивной солидарности» необходим и самому либерализму, в котором присутствует большая доля коммунитаризма, отдающего приоритет в реализации прав и свобод индивида развитию социума, в котором этот индивид социализируется и реализует себя.

Глобализация и инновационный тип развития, глубокий качественный сдвиг в эволюции мирового общества могут потребовать масштабного прорыва в способах политического управления, выходящего за пределы просто «дальнейшего развития» традиционных форм.

² Красин Ю. Размышления о российской демократии в глобализирующемся мире // Мировая экономика и международные отношения, 2004. № 12. С.37.

³ <http://www.dissers.ru/nauchnye-stati/a52.php>

⁴ Zakaria F. The Future of Freedom. Illiberal Democracy at Home and Abroad. N.Y., 2009.

⁵ <http://www.dissers.ru/nauchnye-stati/a52.php>

¹ <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/03/11/1269111978/9.pdf>

Концептуальное переосмысление демократии «стимулируется международными процессами, не укладывающимися в русло унификации существующих либеральных представлений»⁶. Ничто пока не подтверждает представлений о том, что рано или поздно все страны примут либеральные ценности в том виде, как они сформировались в западном мире.

Иллюзия о полной или почти полной интеграции большинства стран мира в унифицированную систему миропорядка пока остаётся иллюзией.

«Исключение и протесты, – воспринимаются как нелепые случайности. Ожидается, что со временем, после соответствующей «коррекции» со стороны международных институтов развитых стран или в результате военных вмешательств народы, отклоняющиеся от «осевой линии мировой истории», вернутся в ее русло»⁷.

Глобализация, как представляется, должна быть поставлена «в контекст двух основных тенденций в процессе изменения картины мира: универсализация развития и в то же время рост многообразия его форм. Взаимодействие этих тенденций определяет характер современного мирового развития, его неоднозначность и сохранение альтернативности выбора для каждого народа и государства»⁸.

Такой подход открывает возможности более глубокого осмысления глобализационных процессов во всей их сложности и противоречивости. И все же остается впечатление, что авторы не доводят свои рассуждения до логического конца. Они относят «дисгармоничную конфликтность» только к процессу становления нового мирового порядка. В итоге же возникнет «единое целое», очень похожее на фукуямовский «конец истории» – всемирное торжество либеральных принципов. Между тем разнонаправленное развитие способно не растворится в «едином мире», а создать общий мир, «мир миров», некую взаимозависимую целостность различий.

Путь к демократическому мировому порядку не может быть простым и быстрым. Мировое сообщество находится лишь в своей начальной стадии, сталкиваясь с авторитарными устремлениями в политике. Американский политолог Б. Барбер в свое время обозначил противостояние на мировой арене двух взаимосвязан-

ных тенденций. Одна из них – глобальная маркетизация мира корпоративным капиталом. По ассоциации с фирмой «Макинтош» Б. Барбер называет ее «Макмиром». Другая, именуемая «Джихадом», – протестное движение за сохранение национальной и цивилизационной идентичности развивающихся стран. Обе тенденции антидемократичны, взаимно враждебны⁹.

В своей новой книге Б. Барбер показывает, что ««Джихад» после трагедии 11 сентября 2001 г. обернулся глобальной угрозой международного терроризма, адекватный ответ на которую нельзя найти в логике «Макмира»»¹⁰. «Демократизировать нации, вышедшие из деспотизма, – пишет автор, и поставить анархический глобальный беспорядок в рамки инфраструктуры публичного права и гражданской кооперации невозможно просто экспортом капитализма»¹¹. Предостерегая западные державы против нагнетания противостояния, автор отмечает, что нельзя экспортировать «Макмир» и называть это демократией, точно так же, как нельзя экспортировать Америку и называть это свободой. «Демократии вырастают изнутри и снизу, а не извне и сверху. В этом одна из причин того, что демократизация требует много времени. Это также свидетельствует о том, что целью тех, кто стремится к демократическому миру, не должна быть «демократия» в единственном числе по американской или какой-либо другой модели, а «демократии» во множественном числе»¹².

Демократизм государства находит выражение в обеспечении в нем народовластия. В современных трактовках термин «демократия» подразумевает определённую систему власти. Кроме того, современную демократию характеризуют как плюралистическую. Имеется в виду, что она «базируется на многообразии общественных интересов (экономических, социальных, культурных, религиозных, этнических, групповых, региональных и т.п.) и форм их выражения (политических партий, общественных организаций, движений и т.д.)». Плюралистичность современной демократии связана с тем, что народ как носитель верховной власти, представляет собой со-

⁶ Там же.

⁷ См.: Галкин А.А., Красин Ю.А. Россия на перепутье. Авторитаризм или демократия: варианты развития. М., 2008, с. 61.

⁸ См.: Мазур А. Демократия по-русски: воспоминание о будущем // Полит. класс. – М., 2007. – № 2. – С. 45-46.

⁹ См.: Barber B. Jihad vs. Macworld. N.Y., 1995.

¹⁰ <http://www.dissers.ru/nauchnye-stati/a52.php>

¹¹ Barber B. Fear's Empire. War, Terrorism, and Democracy. N.Y., 2003. P. 168.

¹² Ibid. Barber B. Fear's Empire. War, Terrorism, and Democracy. N.Y., 2003. P. 176.

Демократия и политические процессы

вокупность групп – социальных, профессиональных, этнических, демографических, территориальных, религиозных и т.п. Индивид, как составная часть народа реализует свою политическую субъектность через участие в различных группах интересов»¹³.

Народная демократия (people's democracy) – особая политическая система в странах Европы и Азии, сложившаяся при поддержке СССР в 1940-х гг. вскоре после второй мировой войны. В теории социализма народная демократия представлена как прогрессивная форма политической организации общества и промежуточная стадия при переходе от буржуазной демократии к демократии социалистической. Народная демократия «отразила своеобразие развития социалистической революции в условиях ослабления империализма и изменения соотношения сил в пользу социализма. В ней нашли также свое отражение исторические и национальные особенности отдельных стран»¹⁴. Для экономически слаборазвитых стран, ориентировавшихся на строительство социализма, вопрос о диктатуре пролетариата стоял особо, так как их крайне малочисленный рабочий класс еще не сформировался в ведущую силу общества.

В то же время представительная демократия (representative democracy) обеспечивает участие граждан в управлении страной через избранных ими представителей. В этом состоит её отличие от прямой демократии, хотя в обоих случаях речь идёт о существенном признаке демократии – участии населения в формировании органов власти и управлении развитием страны. В политической истории встречались ситуации использования институтов непосредственной демократии в ущерб демократии представительной, и наоборот. Сейчас, когда на дворе уже 2011-й во многих демократических странах проводятся прямые выборы. Поэтому разделение демократии на прямую и представительную сохраняет историческую и политическую значимость, и имеет значение для стран, где демократические институты только еще закрепляются.

В России обе формы осуществления власти — непосредственная (прямая) и представительная — отнесены к основам конституционного строя. Согласно части 2 статьи 3 Конституции Российской Федерации, народ осуществляет свою власть непосредствен-

но, а также через органы государственной власти и местного самоуправления. Праву народа соответствует конституционное право каждого гражданина нашей страны участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей. В Конституции РФ особо подчеркнута роль непосредственной демократии для местного самоуправления (глава 8). Она устанавливает, что «местное самоуправление осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления»¹⁵.

Российские руководители поддерживают политические механизмы и такие процедуры, как демократия участия и прямое тайное голосование. Приведем слова В.В. Путина о прямой демократии и демократии участия, сказанные им в бытность президентом в ответ на вопросы корреспондента телеканала Эй-би-си (США). В.В. Путин говорил следующее: «Что такое демократия в прямом смысле этого слова? Это власть народа. А что такое власть народа в современном мире, в огромном, многонациональном и многомиллионном государстве? В некоторых частях мира в прежние времена – в городах-государствах Греции, либо у нас в России, в Древнем Новгороде (было у нас такое государство на территории сегодняшней Российской Федерации), люди собирались на площадь и напрямую голосовали. Вот это была прямая демократия в самом прямом смысле этого слова. А что такое демократия в сегодняшнем многомиллионном государстве? Вот у вас, в Соединенных Штатах, глава государства, Президент, избирается не напрямую, не прямым тайным голосованием населения, а через систему выборщиков. А у нас, в России Президент, глава государства, избирается прямым тайным голосованием всего населения Российской Федерации. Где больше демократии при решении самого главного вопроса о власти – у вас или у нас?»¹⁶.

Представительная демократия вызывает критику со стороны теоретиков прямой демократии за то, что в представительной демократии власть большинства выражается слишком редко, преимущественно только в периоды выборов и референдумов, а реальная власть

¹³ <http://nbengroup.com/democratic/democratic.html>

¹⁴ Цит. по Яскина Г.С. Политические процессы в Азии: опыт демократизации / УРАН. Ин-т востоковедения. – М., 2010. Ч. 1. с.57-58.

¹⁵ Цит. по Яскина Г.С. Политические процессы в Азии: опыт демократизации / УРАН. Ин-т востоковедения. – М., 2010. Ч. 1. с.59.

¹⁶ Цит. по Демократия в России: прошлое, настоящее, будущее // Москва. – М., 2008. – N 12. – С. 9-160.

Политика и общество 8 (104) • 2013

находится в руках небольшой группы представителей политической элиты.

Понятие «суверенная демократия» (*sovereign democracy*) появилось, по мнению историков политических процессов, в 1980 г. Оно служило обозначением политически самостоятельной бывшей британской колонии – Канады. Позже его употребляли при оценке демократии в Ирландии, Китае и ряде других стран. В России этот термин стал применяться во многом в противовес «управляемой демократии», указывая на приоритет суверенитета страны по сравнению с другими демократическими ценностями.

В России использовали этот термин в первую очередь политики. Суть данной идеологии – обозначить реальную возможность существования полноценной демократии только в государстве, обладающем высоким уровнем суверенности и утверждать, что только реальная или полноценная демократия может обеспечить суверенитет государства. Так или иначе, в новом термине многие представители российского политического истеблишмента начали усматривать суть официальной идеологии страны. Этот термин нашёл место в программе партии парламентского большинства – «Единой России». В её предвыборной программе, принятой в 2006 г., говорилось: «Реализуя стратегию качественного обновления страны на принципах суверенной демократии, мы исходим из неотъемлемого права свободного российского народа самостоятельно определять свою историческую судьбу, распоряжаться национальным достоянием в интересах всей нации, каждого гражданина». На Западе теория суверенной демократии вызвала шквал критики. На что президент России В.В. Путин в своей Мюнхенской речи (2007 г.) заявил, что европейское понимание демократии не является эталоном, и страны, которые учат Россию демократии, сами не отличаются приверженностью к демократии¹⁷.

Правомерность применения нового термина в отношении России породила сомнения у части и отечественных политологов: не окажется ли «суверенная демократия» прикрытием отсутствия в стране «подлинной демократии». Возникли опасения, что «суверенная демократия» может обернуться прикрытием неопределенности и размытости политического процесса. Однако такое предположение не должно завершиться отказом от анализа проблемы, которая только

недавно привлекла внимание исследователей. Серьезный анализ долгосрочных проблем демократизации, вполне может вестись через понятие «суверенной демократии». В странах Азии вопрос о «суверенной демократии» популярностью не пользуется и не выходит за рамки академических обсуждений.

Что касается эгалитарной демократии (*egalite democracy*), то известно, что это название произошло от одного из трех принципов лозунга Великой Французской революции: «Свобода, Равенство, Братство» – от французского *egalite* – равенство. Однако самые глубокие корни эгалитаризма, несомненно, кроются в религиозных и этических учениях, как Запада, так и Востока. По определению Энгельса, для народных масс требование равенства было стихийной реакцией против вопиющих социальных неравенств, против контраста между богатыми и бедными, между господами и крепостными, пресыщенными и голодающими. В современном обществе соблюдение равенства потребовало правового оформления, возможности которого стали определяться демократией. Равенство прав граждан измеряется теперь с равенством возможностей в осуществлении этих прав. В чистом виде эгалитарной демократии как государства не существует, но требования равенства и равноправия в разной степени удовлетворяются в либеральных, суверенных, восстанавливаемых и других современных демократических режимах¹⁸.

В Дальневосточной Азии идея равенства, эгалитаризма, происходит из буддизма и даосизма, согласно которым, все люди обладают возможностями для самосовершенствования. Вот как описывает это явление российский востоковед В.Г. Хорос: в западном смысле эгалитаризм, социальная справедливость — это скорее равенство возможностей, но никоим образом не достижений и, соответственно, получаемого вознаграждения. На Востоке, например, в Японии так называемая система пожизненного найма в фирмах и государственных учреждениях была основана на различиях в оплате труда, в зависимости от возраста, но не по индивидуальным качествам. Если индивид добивается успеха, он как личность достоин уважения. Значит, в возможности работать на своем пределе люди в принципе равноценны. И если каждый из двух неравных по своим естественным каче-

¹⁷ Цит. по Баранов Н.А. Трансформации современной демократии. СПб., 2008, с.87.

¹⁸ Цит. по Сморгуню Л.В. Сравнительная политология: теория и методология измерения демократии. СПб., 2009, с.162.

Демократия и политические процессы

ствам трудится в полную силу, то справедливо будет платить им примерно одинаково. Такова японская логика в отличие от западного подхода. Ее Достоинство заключается не только в эффективном стимулировании индивидуальной трудовой активности, но и в избегании значительных социальных контрастов в обществе. Г. Мюрдаль, например, отмечает: если в странах Западной Европы рост неравенства (социального и экономического) был двигателем прогресса, то в Южной Азии, наоборот, ликвидация неравенства ускоряет прогресс. Он обращает внимание на то, что эгалитаризм соседствует в культуре Индии со своей противоположностью, поскольку в Индии «веками скрупулезно соблюдаются классовые и имущественные различия»¹⁹.

Эгалитаризм не чужд и общественной мысли стран Азии – Индии, Японии, Китая, Вьетнама, Монголии и других. Китаю издревле известен религиозный эгалитаризм, его также связывают с даосизмом, — убежденность в том, что возможность просветления одинакова для всех, что «человек с улицы может стать мудрецом». Известно, что взгляды Сунь Ятсена на общественный прогресс сформировались под влиянием идей американского экономиста Генри Джорджа о всеобщем равенстве. В настоящее время, можно, например, представить политику КПК, направленную на создание общества среднего достатка (сяокан), как уравнительную. Но пока в Китае нарастает имущественное неравенство. В 2012 г. 20% его населения имеют доходы до 500 юаней в год, в то время как доходы других 20% измеряются сотнями и даже миллионами юаней. Гуань Хайтин, ученый из Пекинского университета, считает, что разрыв в доходах «зачастую трансформируется в общественное недовольство и уродливую форму обогащения»²⁰.

Но принимать подобные проявления эгалитаризма за элементы демократии было бы ошибочно. Это скорее утопические представления о всеобщем равенстве или особая форма адаптации к определенным условиям жизни. Тем не менее, представления о всеобщем равенстве нашли отражение в марксистских доктринах и даже в социальной практике.

Термином «демократизация» (democratization) обычно определяется процесс становления демократических форм организации общества, в том числе политических систем и режимов. Конкретно этим термином обозначают преобразования, в первую очередь, основ недемократического политического устройства того или иного общества – авторитарных (автократии) или тоталитарных форм правления. Демократизация способна продолжаться и при режимах, провозгласивших себя демократическими, но еще не преуспевшими в создании целостной политической системы, то есть занимающих некое промежуточное положение между полноценной демократией и несовершенной демократией. «Демократизация – это длительный процесс, – пишет Ли Дэнхуэй, – надо только уметь не только ждать, когда созреет момент для принятия решения, но и усиливать контакты с массами. Процесс демократизации не завершается институциональными преобразованиями, а ставит на повестку дня еще более важный вопрос об ответственности за то, что случится потом»²¹.

Длительность процесса демократизации в азиатских странах, как условие успеха, многое объясняет в происходящих сейчас политических процессах в странах Азии, например, в Индонезии и на Филиппинах, где начавшийся в свое время быстрый переход к демократии натолкнулся на попытки восстановления авторитарных и даже военных режимов. Фактически то же самое можно сказать и о Китае, в связи с попыткой ускорения там политических реформ, которая вылилась в известную трагедию на площади Тяньань-мэнь в Пекине в июне 1989 г.

В целом, процесс демократизации обнаруживает свою исключительно сложную природу. Одновременно он свидетельствует, с одной стороны, об уникальности западного, европейского и американского опытов и их огромного значения для развития мировой цивилизации, а с другой, – об особом смысле, который вкладывают в понятие демократии развивающиеся страны, об особых методах демократического строительства в своих условиях. Не следует отказывать также незападным народам в их способности адаптировать многие черты западной модели демократического устройства общества. Отказывать – означало бы перечеркнуть законные права и стрем-

¹⁹ См. : Эрмэ Г. Культура и демократия. М., 2004. С.106-107.

²⁰ Цит. по Ломанов А.В. Белая книга «Строительство политической демократии в Китае» и перспективы реформ // Информ. материалы. Сер. В, Сер.: О-во и государство в Китае в ходе реформ / Ин-т Дал.Востока. Центр науч. информ. и банка данных. – М., 2009. – Вып. 21. – С. 30-31.

²¹ См. : Жуков А. Китай на пути к национальному возрождению // Москва. 2003. №4.

Политика и общество 8 (104) • 2013

ления других народов к политическим свободам, либерализации экономики, доступу к информации, перемещению по миру и т.д.

Особый пример экспансии демократии являют собой страны, испытывавшие сильное европейское влияние в исключительных исторических условиях. Такими странами в Азии являются: Индия, впервые в истории установившая у себя демократический строй, после того как она длительный период была колонией Великобритании; использовавшая уроки западноевропейской демократии Япония, восставшая из руин второй мировой войны при помощи Соединенных Штатов Америки; Филиппины, опиравшиеся на Договор об основах взаимоотношений США (1946) и последовавшие за ним военные соглашения с этой страной²².

Что касается колоний в целом, то на распространение в них демократических идей, тесно связанное с борьбой за независимость, восприятие ими национальных систем европейского права и организации форм правления оказали существенное влияние на ускорение мирового процесса демократизации и придание ему универсального характера. Этот процесс модернизации государственно-правовых основ политических режимов бывших колоний по европейскому образцу продолжается и в современных условиях, но уже в русле интеграции западного права с традиционными установками. Следовательно, практика демократизации политических режимов и систем в странах Азии подтверждает их заинтересованность в переходе к демократии (ни один азиатский лидера открыто не выступает против этого). Происходит зарождение нового типа или направления социально-политического развития с ощутимым акцентом на сферу восточной культуры, собственное, а не европейское или американское, понимание прав человека и т.д.

Таким образом, демократия и процесс демократизации в своем развитии проходят, как правило, через несколько этапов. Демократизация действительно не ведет к установлению демократии в одной единственной форме. Япония за полвека совершила переход от жесткого диктаторского режима до развитой многопартийной демократической парламентской системы, и только сейчас в стране назрела объективная необходимость формирования двухпартийной системы.

²² Цит. по Адмидин А.Г., Сасаки Й. Проблемы экономики современных Японии и Китая // Вестн. Дальневосточн. отделения РАН. – Владивосток, 2006. – № 6.

«Мягкий авторитаризм» – так иногда называют социалистический строй в Китае. После 1989 г. наплыв работ китайских ученых, отстаивающих преимущества авторитарного режима в КНР, стал заметнее. Например, в монографии Лю Цзэхуа «Авторитаризм и китайское общество», выпущенной сразу же после студенческих выступлений, высоко оцениваются авторитарные черты политического режима в Китае, «только одного и способного удержать страну на пути строительства социализма». Но через 20 лет издержки авторитаризма в Китае снова выходят на поверхность. «Китай страдает от двух крайностей: бесхозяйственного социализма и кланового капитализма. Я поддерживаю курс нашей страны на рыночные реформы, но развитие Китая должно быть более равномерным. Мы не должны жертвовать правами рабочих и окружающей средой ради роста ВВП», – утверждает Ван Хуэй, бывший участник демонстрации на площади Тянаньмэнь в Пекине, а ныне вернувшийся из эмиграции один из лидеров «новых левых», свободной группы интеллигентов, которая получает все большее общественное признание. И все-таки при всем своем растущем богатстве и влиянии, автократии двадцать первого века остаются в меньшинстве в мире. Как говорят некоторые китайские ученые, демократичный либерализм стал преобладать в мире после распада советского коммунизма и поддерживается международной иерархией, при доминировании Соединенных Штатов и их демократических союзников – «очень влиятельной группы, сформированной вокруг США». Китайцы чувствуют себя изгоями в этой эксклюзивной влиятельной группе. «Вы, западные страны, устанавливаете правила, вы раздаете оценки, вы говорите – «ты был плохим мальчиком», – сетовал один китайский чиновник на экономическом форуме в Давосе в 2008 г. В периоды великого разъединения между демократией и автократией, автократы из разных стран разделяют общие интересы и общую точку зрения на международный правопорядок. Как премьер Госсовета Китая Ли Пен в своё время сказал экс-президенту Ирана, влиятельному политику Акбару Хашеми Рафсанджани, Китай и Иран объединены общим желанием построить мировой порядок, при котором «выбор какой бы то ни было системы в стране, является делом народа этой страны»²³.

²³ Цит. по Адмидин А.Г., Сасаки Й. Проблемы экономики современных Японии и Китая // Вестн. Дальневосточн. отделения РАН. – Владивосток, 2006. – № 6.

Демократия и политические процессы

Однако любой режим, называющий себя демократическим (или даже суверенно-демократическим), нельзя считать таковым лишь по факту самоназвания. Ни форма правления, ни даже осуществление всеобщего избирательного права еще не превращают политическую систему в реальную демократическую структуру. Процесс демократизации должен опираться на систему законов и механизмов и носить стабильный характер.

Библиография:

1. Красин Ю. Размышления о российской демократии в глобализирующемся мире // *Мировая экономика и международные отношения*, 2004. № 12. С.37.
2. Zakaria F. *The Future of Freedom. Illiberal Democracy at Home and Abroad*. N.Y., 2009.
3. Галкин А.А., Красин Ю.А. *Россия на перепутье. Авторитаризм или демократия: варианты развития*. М., 2008
4. Мазур А. *Демократия по-русски : воспоминание о будущем* // *Полит. класс.-М.*, 2007.-N 2.-С. 45-46.
5. Barber V. *Jihad vs. Macworld*. N.Y., 1995.
6. Barber V. *Fear's Empire. War, Terrorism, and Democracy*. N.Y., 2003. P. 168.
7. Манойло А.В. *Модели информационно-психологического управления международными конфликтами*. // *Вестник Моск. ун-та. Серия 12. Политические науки*. – 2010.-№2. – С.85-95.
8. Манойло А.В. *Технологии управления политическими конфликтами в революциях на Ближнем Востоке и в Северной Африке*. *Политэкс (Политическая экспертиза)*, 8(1):131–154, 2012.
9. Даль Р. *Введение в экономическую демократию: Пер. с англ.* М., 2008.
10. Яскина Г.С. *Политические процессы в Азии: опыт демократизации / УРАН. Ин-т востоковедения.-М., 2010. Ч. 1.*
11. Баранов Н.А. *Трансформации современной демократии*. СПб., 2008
12. Сморгун Л.В. *Сравнительная политология: теория и методология измерения демократии*. СПб., 2009
13. Эрмэ Г. *Культура и демократия*. М., 2004.
14. Ломанов А.В. *Белая книга “Строительство политической демократии в Китае” и перспективы реформ* // *Информ. материалы. Сер. В, Сер.:*

О-во и государство в Китае в ходе реформ / *Ин-т Дал.Востока. Центр науч. информ. и банка данных.-М., 2009.-Вып. 21.-С. 30-31.* Жуков А. *Китай на пути к национальному возрождению* // *Москва*. 2003. №4.

15. Адмидин А.Г., Сасаки Й. *Проблемы экономики современных Японии и Китая* // *Вестн. Дальневосточн. отд-ния РАН*. – Владивосток, 2006.-№ 6.
16. С. А. Николаев *Внешняя политика США в Центральной Азии: соотношение интересов и ценностей* // *Международные отношения*. – 2012. – 1. – С. 68 – 71.
17. Борисенков А.А. *Политическая власть – политическая субстанция* // *NB: Проблемы общества и политики*. – 2013. – 6. – С. 193 – 217. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_806.html

References (transliteration):

1. Krasin Yu. *Razmyshleniya o rossiyskoy demokratii v globaliziruyuschemsya mire* // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2004. № 12. S.37.
2. Zakaria F. *The Future of Freedom. Illiberal Democracy at Home and Abroad*. N.Y., 2009.
3. Galkin A.A., Krasin Yu.A. *Rossiya na pereput'e. Avtoritarizm ili demokratiya: varianty razvitiya*. M., 2008
4. Mazur A. *Demokratiya po-russki : vospominanie o buduschem* // *Polit. klass.-M.*, 2007.-N 2.-S. 45-46.
5. Barber V. *Jihad vs. Macworld*. N.Y., 1995.
6. Barber V. *Fear's Empire. War, Terrorism, and Democracy*. N.Y., 2003. P. 168.
7. Manoylo A.V. *Modeli informacionno-psiologicheskogo upravleniya mezhdunarodnymi konfliktami*. // *Vestnik Mosk. un-ta. Seriya 12. Politicheskie nauki*. – 2010.-№2. – S.85-95.
8. Manoylo A.V. *Tehnologii upravleniya politicheskimi konfliktami v revolyuciyah na Blizhnem Vostoke i v Severnoy Afrike. Politexs (Politicheskaya ekspertiza)*, 8(1):131–154, 2012.
9. Dal' R. *Vvedenie v ekonomicheskuyu demokratiyu: Per. s angl.* M., 2008.
10. Yaskina G.S. *Politicheskie processy v Azii: opyt demokratizacii / URAN. In-t vostokovedeniya.-M., 2010. Ch. 1.*
11. Baranov N.A. *Transformacii sovremennoy demokratii*. SPb., 2008

Политика и общество 8 (104) • 2013

12. Smorgunov L.V. Sravnitel'naya politologiya: teoriya i metodologiya izmereniya demokratii. SPb., 2009
13. Erme G. Kul'tura i demokratiya. M., 2004.
14. Lomanov A.V. Belaya kniga «Stroitel'stvo politicheskoy demokratii v Kitae» i perspektivy reform // Inform. materialy. Ser. V, Ser.: O-vo i gosudarstvo v Kitae v hode reform / In-t Dal.Vostoka. Centr nauch. inform. i banka dannyh.-M., 2009.-Vyp. 21.-S. 30-31.
15. Zhukov A. Kitay na puti k nacional'nomu vozrozhdeniyu // Moskva. 2003. №4.
16. Admidin A.G., Sasaki Y. Problemy ekonomiki sovremennyh Yaponii i Kitaya // Vestn. Dal'nevostochn. otd-niya RAN. – Vladivostok, 2006.-№ 6.
17. S. A. Nikolaev Vneshnyaya politika SShA v Central'noy Azii: sootnoshenie interesov i cennostey // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2012. – 1. – С. 68 – 71.
18. Borisenkov A.A. Politicheskaya vlast' – politicheskaya substanciya // NB: Problemy obshchestva i politiki. – 2013. – 6. – С. 193 – 217. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_806.html